

В. Б. Александров

Проблема смысла культурной политики и русская философия

В современной ситуации энергичного и, можно сказать, увлеченного разрушения ценностей, провозглашавшихся коммунистической идеологией, и далеко не всегда продуктивных попыток нахождения духовных связей с досоветской Россией весьма актуальным является вопрос о способах и механизмах целенаправленного влияния на тот срез общественной жизни, который определяется понятием «культура». В существующей социологической лексике такое «культурное делание» обычно обозначается термином «культурная политика», поскольку целенаправленное и организованное влияние на культуру в наше время может осуществляться, только опираясь на возможности государства.

Следует сказать, что в России проблема культурной политики, имеет давнюю историю. Одним из важнейших духовных истоков, рождавших стремление влиять на отечественную культуру, была болезнь переживания своего отставания от европейских стран, формировавшая в общественном сознании идеологию догоняющего развития. Эта идеология породила неумирающую интенцию преобразований, которые не в последнюю очередь должны были затрагивать и культуру. Не всегда они представляли собой реализацию какой-то целостной программы и в полном смысле слова соответствовали современному понятию культурной политики. Но сама идея преобразования ценностно-смысловых основ социального бытия через воздействие в первую очередь на духовную культуру, существующие в обществе формы развития личности и способы ее социального самоосуществления, стоявшая за усилиями подобного рода, прослеживалась весьма отчетливо. В разные времена предпринимались попытки изменить систему образования, принципы взаимоотношения церкви и общества, организацию науки, основы народного быта, влиять на содержание произведений искусства и проч.

К сожалению, история России свидетельствует о том, что на этом пути результаты, которые бы углубляли и расширяли духовный опыт русского народа и выводили его на путь прогресса, достигались далеко не всегда. Это было следствием, с одной стороны, весьма поверхностного понимания сущности и оснований западной культуры, а, с другой — нежелания и неспособности носителей идеи прививки западной культуры к тысячелетнему древу русской культуры осмыслить возможности наложения этой культуры на отечественную культурную традицию. За такое некритическое перенесение смыслов и внешних проявлений западной культуры, как заме-

тил большой русский философ Н. И. Ульянов, Россия дорого заплатила уже при Петре, который «хвтал ее наспех, “рвачески”» [6, с. 55]. Подобную духовную ориентацию позже продемонстрировала и русская интеллигенция, ратовавшая за прозападную культурную политику. Это было, по словам Ульянова, не что иное, как варварское восприятие западной цивилизации, «Обвиняя своего антипода — самодержавие в обскурантизме, в азиатчине, интеллигенция сама являла особый вид обскурантизма» [6, с. 55].

Новый вариант целенаправленного преобразования культуры от имени конкретной идеологии осуществлялся в советский период. В рамках марксистско-ленинской идеологии тема культурной политики формировалась вполне отчетливо и вписывалась в нее весьма органично, поскольку эта идеология недвусмысленно формулировала свои идеалы и принципы переустройства общества в целом. Культурная политика в рамках этой идеологии не носила характера заимствования и вполне естественным образом вписывалась в концепцию культурной революции, о необходимости которой говорил еще В. И. Ленин.

Идея культурной революции произрастала прежде всего из характерного для формационной концепции исторического процесса, принципа определяющей роли базиса по отношению к надстройке. Из него следовало, что культурная революция означает преобразование духовной жизни общества в соответствии с идеологией революционного класса, того класса, в борьбе которого выражается логика развития производительных сил, а значит, и логика исторического развития общества. «Вся постановка дела просвещения, — указывал В. И. Ленин, — как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры» [5, с. 336]. При этом желаемый дух, согласно В. И. Ленину, выражается единственно верным способом в идеологии марксизма: «...только миросозерцание марксизма является правильным выражением интересов, точки зрения и культуры (выделено автором. — В. А.) революционного пролетариата» [5, с. 337].

В соответствии с этой логикой культурная революция в марксистской социальной мысли понималась как осуществляемая «сверху» из высот надстроечных структур, некоей всевидящей силой (читай: партией. — В. А.), единственно верным способом трактующей запросы общества, законы его развития, образ будущего общества и соответствующую ему культуру. Иными словами, культурная революция совершается на основе идеологии, в соответствии с которой должен быть сформирован соответствующий образу создаваемого общества «человеческий материал». Бесспорная истинность

идеологии позволяет ей претендовать на право определять убеждения и жизненные смыслы всех без исключения членов общества, в чем, как полагалось, и состоит сущность культурной революции. В достаточно авторитетном в свое время философском словаре, изданном незадолго до утраты марксизмом роли ведущей идеологии, цель культурной революции определялась как «превращение принципов марксистско-ленинской идеологии в личные убеждения человека, воспитание умения применять эти принципы в практической деятельности и вести бескомпромиссную борьбу с пережитками прошлого, с буржуазными и ревизионистскими взглядами» [7, с. 295]. При этом, конечно, не отрицалась необходимость обогащать сознание людей духовными достижениями, которые выработало человечество, но полагалось, что все они должны быть переосмыслены в духе новой, подлинно научной идеологии.

Кризис марксистско-ленинской идеологии не только показал несостоятельность идеи культурной революции, но и остро поставил вопрос о смысле и даже правомочности феномена культурной политики, осуществляемой государством. Очевидно, что ответ на него должен основываться на теоретическом осмыслении роли идеологии в культурном процессе. Это тем более важно, что сегодня на фоне формирующегося в общественном сознании ощущения необходимости культурных преобразований отчетливо обозначается опасение чрезмерной идеологизации культурного процесса. Все более очевидным становится желание провести водораздел между различными формами государственной поддержки культуры, о необходимости которой говорят и деятели искусства, и пониманием культурной политики, которое было свойственно коммунистической идеологии и практике.

Главная теоретическая позиция, из которой следует исходить при осмыслении взаимоотношения идеологии и культуры, заключается, на наш взгляд, в том, что сама идеология имеет двойственную, противоречивую природу. С одной стороны, видимо, следует признать, что идеология является специфическим культурным феноменом, если понимать культуру как присущие данному обществу или конкретной общности смыслы и способы становления и самоосуществления человека как социального духовного и телесного существа. Это означает, что в ней как элементе целостности культуры так или иначе отражается ее специфика. Вместе с тем идеология стремится к выходу за пределы культуры в сферу цивилизации, сферу конкретных технологий, организующих общественную жизнь¹. В идеологии, как ни в какой другой форме духовной жизни, воплощены два вида творче-

---

¹ О соотношении понятий «культура» и «цивилизация» (см.: [1, с. 193—194]).

ской деятельности, о которых еще в тридцатых годах прошлого века говорил С. Н. Булгаков. В частности, он указывал на то, что есть два пути для осуществления творческих способностей: «путь *цивилизации* и путь *творчества (культуры)*... культура — творческое отношение человека к миру и самому себе, когда человек на свой труд налагает печать своего духа» [3, с. 638]. Противоречие между культурной и цивилизационной интенциями идеологии, на наш взгляд, определяет специфику идеологии как основания культурной политики.

Будучи культурным феноменом, идеология принципиально отличается от других форм существования культуры, в частности, таких, как традиции, обычаи, сложившиеся формы поведения и выстраивания отношений, которые как бы исподволь формируют смыслы человеческой жизнедеятельности. Это отличие заключается в том, что идеология выступает формой рефлексивного бытия культуры, с большей или меньшей «степенью точности» выражающей ее бессознательные слои. Степень этой точности определяется, как известно, групповыми и личностными пристрастиями автора соответствующей идеологической концепции. Глубинным противоречием идеологической рефлексии выступает противоречие между прокламированием устремленности к абсолютным основаниям человеческого бытия, с одной стороны, и социально-исторической конкретностью их понимания и, соответственно, тех форм социальной практики, которые призваны осуществить продвижение в направлении осуществления этих абсолютных ценностей, — с другой. Обычно это противоречие разрешается таким образом, что социально-историческая отнесенность как бы затушевывается и вместе с ней затушевывается и само это противоречие.

Идеология, как форма выражения цивилизационного начала общественной жизни, пытается пробиться к культурной реальности через обоснование конкретных институциональных форм (например, творческих союзов, предприятий киноиндустрии, образовательных институтов и проч.). Именно на формирование и поддержку этих форм в первую очередь, по-видимому, должна быть направлена деятельность государства, именно их развитие — дело культурной политики. Конечно, такие институты так или иначе включают в себе и определенный культурный потенциал, определенную возможность для фиксации и трансляции ценностей. Влияние на культуру на этом пути опосредованное, оно не ведет к однозначному обусловливанию содержания произведений искусства, литературы, образовательных программ и т. п.

Однако это не единственный путь. Нередко идеология пытается влиять на развитие культуры не только через создание определенных институцио-

нальных форм, но и напрямую, воздействуя на содержание культурных феноменов: произведений искусства, литературы, образовательных программ и проч. (знаменитые обличительные статьи, посещения выставок партийным руководством, цензура и т. п.). Конечно, противопоставление этих двух путей не может считаться абсолютным. По словам того же Булгакова, «нет абсолютной культуры и абсолютной цивилизации, потому что человек не может быть, ни до конца рабом, ни до конца творцом» [3, с. 638]. В различные исторические эпохи соотношение этих двух путей может быть разным — от всеобщей регламентации, касающейся содержания духовного производства во всех его формах в условиях тоталитарной власти, до минимизации воздействия, в том числе и на институциональные формы существования культуры в условиях демократического общества.

Главной проблемой идеологического влияния на содержание культурного процесса является способность учесть культурную традицию, которая представляет своего рода «инерционный механизм», противостоящий всякого рода новациям, предполагающим его кардинальное изменение. И даже когда идеологически обосновываемые преобразования, опираясь на силу государственной машины, удастся провести в жизнь, срок их жизни может быть весьма короток, если традиции, обычаи, уровень образования населения не могут ассимилировать эти культурные новации. История России имеет множество тому примеров. Всякий раз, когда предпринималась погоня за культурными новациями, соответствующими идеологическим конструкциям будущего общества или неким образцам, почерпнутым в «цивилизованных» странах, противоречившими культурной традиции, рано или поздно происходило болезненное отторжение навязываемых культурных форм и связанных с ними смыслов. Красноречивым примером тому являются попытки изменения системы образования в конце XVIII в. Известный реформатор школы этой эпохи И. И. Бецкой, размышляя о путях развития русской культуры, в частности внедрения «прогрессивного» научного образования, в докладах императрице Екатерине II указывал именно «на отсутствие у нас восприимчивой среды, питательной почвы, к которой могло бы прикрепиться научное образование». Он отмечал, что люди «приобретавшие такое образование, скоро теряли его и возвращались в прошлое невежество по недостатку спроса и практики для их знаний» [4, с. 39]. Укорененная в культурной традиции, нерелексивная культура рано или поздно «подправляет» идеологические прожекты, нередко весьма и весьма существенно.

Несостоятельность претензий идеологических схем на универсальную культурную значимость становится особенно очевидной, когда они затра-

гивают укорененные в истории глубинные смыслы, определяющие существование таких общностей, как нации. Свидетельством тому является крушение в нашей стране ценностей, которые связывались с представлением о социалистической культуре. Характерно, что основную деструктивную роль в этом процессе сыграл фактор национального единства, оказавшийся значительно более мощной силой консолидации народов бывшего СССР, чем ценности социалистической культуры. Они же оказались более успешными в освоении нового социального опыта, с которым столкнулись различные социальные и этнические общности, входя в мировое сообщество. Порожденная идеологией культура обнаружила свою несостоятельность, негибкость как перед лицом истории, так и перед лицом тех реалий, которые все более настойчиво заявляли о себе в новой, многоликой и неоднородной действительности, обусловленной возникшей открытостью бывших социалистических республик ветрам из стран с иной политической системой.

Эту принципиальную неспособность идеологии быть программистом культурного развития сегодня особенно важно подчеркнуть, поскольку повсеместное критическое отношение к марксистской идеологии сменилось стремлением найти новую универсальную культурную парадигму, за которой легко просматриваются установки определенной идеологии. Именно такой идеологией стала идеология общечеловеческих ценностей, первая утопия, с которой новая Россия пыталась войти в сообщество «цивилизованных» стран и которая весьма скоро обнаружила свою малую продуктивность как внутри страны, так и в международных отношениях. В настоящее время невозможность идеологического однообразия осознана и нашла отражение в Конституции РФ: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹.

Одним из следствий идеологизации культуры является «профессионализация» культурной деятельности, тенденция к своеобразной узурпации сферы культуры духовной элитой. Для разных идеологий элита может пониматься по-разному: партийная элита для идеологии марксизма-ленинизма, творческая элита для представителей идеологии, утверждающей, что решающая роль в культуре принадлежит «духовной аристократии». Прислушаемся, например, к голосу большого русского философа Н. А. Бердяева, боровшегося против идеи культурной революции с позиций невозможности навязывания культуре умозрительно конструируемых форм и смыслов, недопустимости разрушения культурного опыта. «В культуре, — писал он, —

---

¹ См.: п. 2. ст. 13 Конституции РФ. 1993.

действуют два начала — консервативное, обращенное к прошлому и под-держивающее с ним преемственную связь, и творческое, обращенное к бу-дущему и созидающее новые ценности. Но в культуре не может действовать начало революционное, разрушительное. Революционное начало по суще-ству враждебно культуре, антикультурно» [2, с. 220]. Подчеркивая укорененность культуры в традиции, Бердяев говорит, обращаясь к теоретикам пролетарской культуры: «Новой культуры вы не можете создать потому, что вообще нельзя создать новой культуры, не имеющей преемственной связи с прошлой культурой, не имеющей никакого предания, не почитающей предков. Идея такой новой революционной культуры есть *contraditio in adjecto*» [2, с. 220].

Однако эта глубоко верная мысль Бердяева ложится на одностороннее аристократическое понимание культуры, за которым проглядывается все та же ее идеологизация, пусть и в духе иной идеологии. Это проявляется в том, что Н. А. Бердяев фактически отрицает культуротворческую деятельность в повседневной жизни. Он глубоко убежден в том, что «культуру можно творить лишь тогда, когда она сама является существенным основным делом» [2, с. 221]. Для него культура, несмотря на категорическое неприятие марксизма, нечто несовпадающее с бытием и возвышающееся над ним. Он четко различает творцов культуры, духовную аристократию и потребителей культуры.

Отрицая революции в культуре, русский мыслитель говорит о существовании кризисов в культуре, которые могут преодолеть только те, кто приоб-щен к вершинам духовной жизни. По его словам, такие кризисы выступа-ют как «острое переживание и острое сознание на вершинах культуры внутренней противоположности и внутренней несоизмеримости между культурой и бытием» [2, с. 228]. Такие кризисы, как следует из приведенного высказывания, представляют собой результат утончения и усложнения тех проблем, которыми начинает заниматься культурная элита, движимая в своих рассуждениях собственным пониманием логики культурного развития.

Данная концепция, несмотря на всю силу апелляции к идее преемствен-ности, утрачивает тему основания для творчества культурной элиты. Бердяев полагает, что мотивом ее деятельности выступает творческий порыв, на-правленный «ввысь».

Но что собой представляет эта «устремленность ввысь» при ближайшем рассмотрении? Очевидно, не что иное, как утверждение неких априорно, идеологически установленных ценностей. Преодоление этой, по сути дела, идеологизации возможно лишь на пути понимания культуры как всеобщей характеристики социального бытия, не противопоставленной ему, а состав-

ляющей одну из важнейших внутренне присущих ему определенностей. В противовес Бердяеву, полагающему, что «рабочий может участвовать в жизни культуры, если он не будет сознавать себя пролетарием», следует заметить, что только в своем существовании как пролетария, как в качестве труженика, так и в быту, он может что-то сделать для развития культуры. Конечно, это утверждение предполагает понимание культуры не как порождения гения культурной элиты, а как особого измерения человеческого бытия, предполагающего «творческое отношение человека к миру и к самому себе» [3, с. 636]. В этой связи куда более точен С. Н. Булгаков, заметивший, что «бытовое благочестие русского народа, выросшее веками, есть яркий образ победы культуры над цивилизацией» [3, с. 642].

Сказанное не означает полного отрицания роли идеологии как формы представления культуры. Различные идеологии — это рефлексивный способ бытия культуры наряду с литературным произведением, драматической постановкой, историческим исследованием. Важно только иметь в виду, что все эти формы как феномены культурной реальности являются сторонами сложного и многопланового культурного процесса. Они обретают свой смысл в непрекращающемся диалоге друг с другом и неосознаваемыми формами культурного бытия, пронизывающего все сферы общественной жизни: быт, производственную сферу, социальные отношения, политику. При этом культурный процесс оказывается возможным постольку, поскольку создаются институциональные формы, представляющие в своем единстве механизм, через который он только и может осуществляться.

Фундаментальным противоречием, характеризующим культурный процесс, является противоречие между стремлением выразить смыслы национального бытия, с одной стороны, и желанием личностной самореализации субъектов, так или иначе вовлеченных в культурный процесс, — с другой. В различные исторические периоды, в условиях разных политических режимов, для различных категорий субъектов «культурного делания» это противоречие разрешается специфическим образом.

В условиях демократии главным смыслом культурной политики является, на наш взгляд, создание условий для продуктивного разрешения данного противоречия. Это означает, что, с одной стороны, должна быть сохранена и получена ценность существования нации как некоторого единства, а с другой — должны быть созданы возможности для творческой самореализации членов общества в сфере культуры.

Реализация последней задачи предполагает участие государства в создании институтов, в рамках которых могло бы происходить развитие творческого потенциала тех, кто не является профессионалом в сфере культуры

(дома культуры, клубы и проч.), а также институтов, необходимых для осуществления профессиональной деятельности в сфере культуры. Определенное значение может иметь продвижение конкретных достижений деятелей культуры путем предоставления им возможности возглавлять творческие коллективы, проводить выставки, конкурсы и проч.

Вместе с тем возможность профессиональной самореализации в сфере культуры должна уравниваться механизмом, который бы противостоял заключенным в ней дивергентным интенциям. Такой механизм имеет два плана. Первый из них касается профессионального уровня бытия культуры. Здесь он выступает в виде институтов, позволяющих вести открытые дискуссии представителям различных культурных срезов общества, в том числе и тех, кто представляет государственную власть (на телевидении, в печати, Интернете).

Второй план включает в себя механизмы, делающие возможным диалог культуры, творимой профессионалами, с культурой, отражающей повседневный опыт людей, с тем «бытовым благочестием, выросшим веками», о котором говорит С. Н. Булгаков. Этот вид культуры является своего рода культурной субстанцией, в которой находят, с одной стороны, свои истоки, а, с другой — в конечном счете разрешение все те противоречия, которые возникают в сфере профессиональной культурной деятельности. К числу механизмов, через которые осуществляется этот диалог, относятся самые различные средства представления общественного мнения — от публичных выступлений, сборов подписей до блогосферы в Интернете. Своеобразным методом такого рода являются телевизионные дебаты, ведущиеся в интерактивном формате, дающем возможность непосредственной сравнительной оценки общественным мнением позиций участников.

Однако, говоря о субстанциональном слое культуры, следует иметь в виду его неоднородность и внутреннюю противоречивость. В частности, в нем можно выделить два основных уровня. Это, во-первых, глубинный уровень — уровень культурной традиции. Ее сохранение — одна из важнейших задач культурной политики. Во-вторых, это внешний, ценностный фон, являющийся результатом проникновения ценностей и смыслов, которые культивируются элитами общества: духовной, политической, художественной. Противоречие между этими двумя уровнями — важнейшее противоречие субстанционального слоя культуры. Оно может получать продуктивное разрешение, выражающееся в интерпретации на уровне традиции новых произведений духовной культуры. Однако возможны ситуации, когда данное противоречие обретает разрушительную форму. Это происходит вследствие активного продвижения в сферу субстанционального уровня

культуры таких духовных образований, которые могут существовать только при условии их поддержки государственными институтами (вспомним собрания трудовых коллективов, осуждавших литературные произведения, которые никто из их членов не читал).

В настоящее время ценностные ориентации различных элит нередко направлены, хотя бы они того или нет, на разрушение ценностного единства общества, а это значит, что они по своей природе *антикультурны*. Проблемой современного общества является не само по себе социальное неравенство, выражающееся в заоблачных значениях децильного коэффициента, а стоящая за ним культурная разобщенность. Образ жизни, ценности, которые явно или неявно культивируют власть имущие и стремящиеся подражать им представители других элит, представляют собой главный фактор, разрушающий бытийные основы российского общества и лишаящий его будущего.

Культурная политика в этой связи должна включать в себя своеобразную культурологическую экспертизу различных срезов социальной жизни — от предметной среды до политических решений на установление тех культурных смыслов, которые за ними стоят. Дело заключается в том, что даже тогда, когда решаются основные жизненные проблемы населения, отсутствие ощущения единства смысловой основы различных аспектов социальной реальности формирует в общественном сознании состояние ценностного диссонанса, преодоление которого может вылиться в весьма агрессивные формы. Иногда за социальными протестами скрываются не только конкретные социальные или экономические проблемы, а неприятие (нередко неосознаваемое) читаемой общественным сознанием символики действий и проявлений власти. Так, попытка расформирования 31-й больницы в Петербурге в медицинское учреждение, обслуживающее работников Конституционного Суда РФ, кроме реальной озабоченности утратой возможности лечения определенного рода больных, вызвала ощущение в этом действии символики пренебрежительного отношения власти к народу.

Культурная политика представляет собой специфический вид управления — управление по ценностям. Это управление предполагает распространение и пропаганду определенного рода ценностей, но может иметь в определенных отношениях характер прямого директивного действия. Подобное действие должно быть направлено на формы презентации и самопрезентации государственных служащих, поскольку они представляют именно ту категорию профессионалов, которая в наибольшей степени символизирует ценность национального единства. Управление по ценностям должно быть осознано как неотъемлемый аспект социального управления в целом. Здо-

ровому обществу свойственно ощущение ценностного единства, в противном случае, несмотря на все усилия разного рода имиджмейкеров, рано или поздно наступит социальная фрустрация, ведущая к развалу нации.

Сказанное означает, что выстраивание культурной политики должно иметь в виду хорошо проработанное в культурологии положение о том, что культура представляет собой символическую реальность. Жилищное строительство, производство автомобилей, организация снабжения населения продуктами и предметами первой необходимости, кроме прямой социальной функции, представляют собой символы, несущие определенные культурные смыслы. Это же касается и способов отношения власти с народом, ее жизненных стандартов, самопрезентации ее представителей и т. п. Для отечественной культурной традиции с ее традиционно высокой дистанцией власти это особенно актуально.

Проблематикой представления властных структур в настоящее время, как известно, активно занимается имиджология. Однако акценты в этой дисциплине принципиально отличаются от культурологического подхода. Если имиджология делает акцент на психологической приемлемости тех или иных форм самообнаружения власти, то культурология должна устанавливать смысловые основы. Цель культурологического подхода не камуфлирование подлинной сущности, чем, по сути дела, занимается имиджология, а установление смысловых основ и культурных следствий тех или иных действий и предметных обнаружений власти. В отличие от имиджологии, занимающейся видимостью, культурология обращает внимание на подлинность, имеющую своим истоком культурную традицию.

-
1. *Александров В. Б.* Формы существования и природа культуры // Управленческое консультирование. 2010. № 2. С. 191—221.
  2. *Бердяев Н. А.* Философия неравенства // Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991.
  3. *Булгаков С. Н.* Догматическое обоснование культуры // *Булгаков С. Н.* Сочинения: в 2 т. М., 1993. Т. 2. Избранные статьи.
  4. *Ключевский В. О.* Два воспитания: Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени // *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. М., 1990. Т. 9.
  5. *Ленин В. И.* О пролетарской культуре // Полн. собр. соч. 5-е изд. 1958—1965. Т. 41.
  6. *Ульянов Н. И.* IGNORANTIA EST // Русские философы (конец XIX — середина XX века). Антология / сост. Л. Г. Филонова. Вып. 3. М., 1996.
  7. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.